

Не меньший интерес представляют и раскопки курганных могильников в разных районах Ивановской обл. (Яришнево, Семухино, Абабково, Пайдово, Якшино I, Рубское III, Антоново и др.). В некоторых из них, наряду с прекрасными бронзовыми, серебряными и другими украшениями, были обнаружены остатки византийской ткани (Рубское III) и в одном из Антоновских курганов XIII в. найдены парчевая налобная лента и остатки сарафана из парчи. Также представляет интерес и берестяные покрывала в колодах с погребенными. Следует отметить наличие в славянских курганах Ивановской обл. большого количества мерянских бронзовых украшений, что свидетельствует о довольно быстром смешении славян с мерянами.

Таким образом, за 25 лет работы Верхневолжская экспедиция производила исследования памятников разных эпох. Сотрудниками экспедиции написаны монографии, статьи и заметки в различных изданиях. В них помещены не только отчеты о раскопках указанных памятников, но и дается решение ряда узловых вопросов древнейшей и древней истории Верхнего Поволжья. Здесь следует заострить внимание на комплексном исследовании экспедицией древних поселений с привлечением палеогеографов, почвоведов, палинологов, антропологов, зоологов, химиков, геологов и представителей других наук с целью всестороннего изучения природного окружения первобытного человека.

Сотрудники Верхневолжской экспедиции неоднократно выступали с докладами не только на заседаниях соответствующих секторов Института археологии, но и на различных всесоюзных и региональных конференциях и совещаниях.

На основе материалов и коллекций экспедиции развернуты экспозиции дореволюционных отделов Ярославского, Ивановского и Калининского областных музеев, а также экспозиции Угличского, Переславского, Ростовского, Ильинско-Хованского и других районных музеев Верхнего Поволжья. Часть коллекций сдана в Государственный Исторический музей. При активном участии сотрудников Верхневолжской экспедиции подготовлены Сводные памятников археологии по Ярославской, Ивановской, Костромской и Калининской областям.

В целях популяризации и охраны памятников сотрудниками экспедиции были прочитаны десятки лекций в клубах предприятий, городов, колхозов и на местах раскопок.

В завершение обзора, считаем приятной обязанностью отметить многолетнюю плодотворную работу ведущих сотрудников Верхневолжской экспедиции: О. С. Гадзяцкой, Н. А. Кирьяновой, Е. И. Ерофеевой, Л. С. Китициной, К. И. Комарова, М. Б. Крайновой, Е. М. Молодцовой, Е. Л. Костылевой, А. В. Уткина, Ю. Б. Цетлина и М. Г. Жилина.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В 1981 г. исполнилось полвека с момента образования в Государственном ордена Ленина Эрмитаже Отдела истории первобытной культуры (первоначально — Отдел доклассового общества). К этому событию была приурочена научная сессия, состоявшаяся в Эрмитаже с 27 по 30 октября 1981 г. Сессия носила название «Контакты и взаимодействие древних культур», и именно этот аспект объединял все разнообразие тематики, представленной в докладах, прочитанных сотрудниками отдела и учеными, работавшими здесь в разные годы. Это был своего рода творческий отчет о научной деятельности за 50 лет. Поскольку отдел хранит и изучает коллекции материалов многих археологических эпох — от палеолита до средневековья — то и диапазон тем докладов был столь же велик. На юбилей присутствовала большая группа археологов и музейных работников Ленинграда, Москвы, Киева, Вильнюса, Краснодар, Каменец-Подольска, Ижевска и других городов. К юбилею была организована выставка «Резная кость», составленная из материалов, хранящихся в фондах отдела, был издан каталог.

Научная сессия открылась заседанием, посвященным истории создания и существования отдела. Директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский выступил с докладом «Отделу истории первобытной культуры — 50 лет». Докладчик остановился на истории первых появлений археологических находок в музее, постепенном расширении их собраний, организационном оформлении этого вида деятельности Эрмитажа уже в советское время (на общем фоне переустройства музейного дела и все увеличивающегося интереса к древним памятникам материальной культуры), приведшем в 1931 г. к созданию Отдела истории первобытной культуры. Особое внимание Б. Б. Пиотровский уделил современному состоянию отдела, его разнообразной обширной работе (хранительской, экспозиционной, экспедиционной, научной). Он охарактеризовал научные достижения отдела в целом и круг исследовательских тем всех его сотрудников. Подробно докладчик говорил об экспозиционной деятельности отдела, в частности об организации на его материалах 25 выставок в 18 зарубежных странах (1960—1981 гг.), что явилось заметным вкладом в международное сотрудничество в области культуры.

Доклад одного из старейших сотрудников отдела М. П. Грязнова «Монументальное искусство на заре скифо-сибирских культур в степной Азии» был посвящен мало изученной, но чрезвычайно яркой странице древнего художественного

творчества — «оленным камням» Монголии и Саяно-Алтая. Докладчик сделал акцент на искусствоведческом анализе памятников (изобразительные приемы, стилистическая манера, композиции). Монументально-художественные произведения ранних кочевников восточных степей предстали в докладе как искусство, в котором в полной мере проследживается характер народного творчества. Докладчик считает, что стиль оленных камней был распространен на огромной территории степей — от Дуная до Китайской стены. Зарождение его было общим процессом создания монументального изобразительного искусства первого этапа развития скифо-сибирских культур (IX—VII вв. до н. э.). Только в некоторых местах памятники этого стиля не сохранились (вероятно, там «оленные камни» создавались из дерева).

А. Д. Столяр выступил с докладом «Об основных аспектах исследования палеолитического изобразительного творчества как исторического источника». Докладчик отверг возможность буквального «чтения» изображений древнекаменного века в качестве каких-то прямых свидетельств практических свершений той эпохи. Он считает, что при попытках познания семантической сути изображений следует особое внимание обратить «на источниковедчески отработанную операцию... — выявление признаков глубинных смысловых связей между различными символическими элементами палеолитического репертуара». Важнейший аспект исследования палеолитического творчества, по мысли А. Д. Столяра, — анализ его как существеннейшего «фактора становления и развития сознания». Ключом к раскрытию этой проблемы, только поставленной наукой, является положение Маркса и Энгельса о первичном производстве идей, являющемся включенным в материальную деятельность и материальное общение людей.

Все последующие доклады отражали, как правило, темы исследовательских, часто многолетних работ авторов, или результаты изучения тех или иных интересных и значительных коллекций, хранящихся в Отделе истории первобытной культуры. Н. К. Анисяткин в докладе «О взаимодействии среднепалеолитических культурных единств на территории юго-западной части СССР» анализировал материалы среднего палеолита, известные в настоящее время на территории Молдавии и Западной Украины, и пришел к выводу о существовании в данном регионе двух единств (единство — «более широкое, чем археологическая культура, понятие»), отражающих две линии развития, соответствующие двум традициям изготовления каменных орудий. Автор подчеркивает контрастность двух культурных единств; заметных взаимовлияний здесь не наблюдается.

Доклад И. В. Калининой «Неолит Прикамья — история изучения» имел подзаголовок: «К вопросу о понятии „археологическая культура“». Автор показал, что в ходе исследования неолита Прикамья выявилось наличие двух археологических культур: камской и волго-камской. По мнению И. В. Калининой, в настоящее время может быть поставлен вопрос не только о сосуществовании в пределах одного ареала двух археологических культур, но и об их активном взаимодействии в конце эпохи неолита, которое обусловило их трансформацию и интеграцию. Выступившая по докладу И. В. Калининой Л. Я. Крижевская отметила актуальность темы сообщения и желательность продолжения работы в выбранном автором направлении. Она оценила усилия докладчика по привлечению всей полноты материала и подчеркнула возможности предложенной автором интерпретации исторических судеб двух неолитических культур.

Н. К. Качалова в докладе «О взаимодействии поволжских срубных и абашевских племен» сосредоточила внимание на комплексах смешанного, срубно-абашевского облика в поволжских степях и лесостепи. Проведенное сопоставление их — степных и лесостепных — показало определенные отличия, а также позволило «построить» некоторые исторические обобщения: продвижение племен, их связи, характер взаимодействия и т. п.

Ряд докладов был посвящен памятникам предскифского и скифского времени на Украине и Кавказе. Доклад Я. В. Доманского и Ю. Ю. Пиотровского «Новый археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана» касался поступившей в недавнее время в Отдел истории первобытной культуры весьма интересной и своеобразной группы бронзовых предметов (в большинстве своем украшений). Вещи были обнаружены случайно в горах юго-западного Дагестана (сел. Чадаколюб). Все они находились в одном большом сосуде, который, может быть, являлся принадлежностью святилища, относящегося приблизительно к второй четверти I тысячелетия до н. э. О том, что представленный в этом докладе яркий материал заслуживает серьезного внимания и может раскрыть существенно новое в древней истории Дагестана, говорила В. И. Козенкова. По ее мнению, авторы правильно оттенили связь составляющих комплекс бронзовых вещей, при всей их самостоятельности, с традициями кобанской культуры, но недостаточно полно разработали вопрос о датировке памятника, дата пока остается неясной.

Большой интерес вызвали доклады Г. И. Смирновой, Л. К. Галаниной и А. Ю. Алексеева. Все три доклада были высоко оценены аудиторией, им сопутствовал оживленный обмен мнениями. Г. И. Смирнова в основу доклада «Предскифский период на Буковине (контакты и взаимодействия)» поставила материалы своих исследований поселения и кургана у с. Днестровка (Среднее Поднепровье). Результаты исследования этих памятников позволили сделать ряд выводов о контактах чернолесских племен Поднепровья с соседними культурами. Так, удалось установить воздействие на чернолесцев культур Гава-Голиграды, Сахарна-Солончены, высоцкой, а также выделить элементы и обратных связей. А. И. Мелюкова, выступая по докладу, отметила значение нового положения — доказательств

присутствия голиградских элементов в чернолесской культуре, и остановилась на своих расхождениях с докладчиком относительно роли влияния фракийского населения Молдавии в сложении погребального обряда чернолесцев Среднего Поднепровья. Г. Т. Ковпаненко в своем выступлении обратилась к результатам собственных раскопок поселения у с. Комаров, расположенном недалеко от Днестровского поселения, и подчеркнула близость обоих памятников. Б. А. Шрамко, отметив значимость новых материалов для характеристики мало известной чернолесской культуры в западном регионе лесостепи, остановился на вопросе влияния фракийских племен на территории значительно восточнее Днестра — в Поворосклье, что подтверждают новые находки. В заключительном слове Г. И. Смирнова основное внимание уделено вопросам, затронутым А. И. Мелюковой, особенно интерпретации обрядов погребений в Среднем Поднепровье и Молдавии. Она еще раз подчеркнула, что контакты между чернолесцами и носителями культуры Сахарна-Солончены имели двусторонний характер (появление у последних курганного обряда захоронения со скорченными скелетами).

Доклад Л. К. Галаниной «К вопросу о древневосточных элементах в раннескифских уздечных наборах (по материалам Келермесских курганов)» отражал многолетние исследования автора материалов одного из интереснейших комплексов скифской архаики. Л. К. Галанина обратила внимание на две группы уздечных наборов, одна из которых — по происхождению местная — отражала древневосточные влияния, а другая являлась продукцией какого-то закавказского центра. В. Г. Петренко отметила успешное открытие докладчиком новых восточных связей для части инвентаря Келермесских курганов, а также поддержала мысль о необходимости пересмотра даты (в сторону удешевления) некоторых комплексов этих курганов.

А. Ю. Алексеев в докладе «Чертомлыкский курган в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э.» обратился к сложной проблеме датировки скифских «царских» курганов. Опираясь на такой массовый тиражированный материал, как золотые штампованные бляшки и бронзовые наконечники стрел, на их сочетаемость в комплексах, он сумел вычленил несколько хронологических пластов, Чертомлык, по этим данным, должен попасть в пласт Б середины третьей четверти IV в. Но А. Ю. Алексеев считает, что для таких больших и сложных комплексов следует различать время функционирования вещей, составивших комплекс, и время совершения захоронения. Последнее же в данном случае определяется сочетанием дат амфорных клейм, попавших в землю при сооружении кургана. Эта дата для Чертомлыка — конец IV — рубеж IV—III вв. до н. э. Доклад вызвал живую реакцию. Высоко была оценена методика докладчика, хотя Н. А. Овайко и Б. Н. Мозолевский призвали к осторожности при использовании датировки амфор. Не всегда ясно, попадают ли они в насыпь курганов при совершении захоронения или связаны с более поздними тризнами. Особенно существенным представляется вывод, достаточно категорично сформулированный в выступлениях И. Б. Брашинского и Н. А. Овайко — «В Скифии нет „царских“ курганов III в. до н. э.».

Видное место в исследованиях эрмитажных ученых всегда занимала сибирская тематика, представленная на сессии кроме доклада М. П. Грязнова еще тремя — М. П. Завитухиной «Тагарское искусство периода архаики (VII—VI вв. до н. э.) и его соотношение с искусством карасукской эпохи», Л. Л. Баркова «Изображение на саркофаге из второго Башадарского кургана (к вопросу о переднеазиатских элементах в искусстве древнего Алтая)» и Л. С. Марсадалов «Дендрохронология археологических памятников ранних кочевников Саяно-Алтая».

М. П. Завитухина убедительно показала наличие карасукских элементов в тагарском искусстве, что, по ее мнению, не сыграло решающей роли в формировании скифо-сибирского «звериного стиля» в целом. Л. Л. Баркова, отметив сходство с переднеазиатскими таких сюжетов, как шествие зверей и животные с поджатыми ногами и повернутой головой, сцены терзания, пыталась толковать все изображения на башадарском саркофаге как единую композицию. Последнее вызвало однако возражения со стороны М. П. Грязнова. Л. С. Марсадалов подробно рассказал о методике работы с образцами древесины из алтайских курганов. Его выводы ближе к более ранним заключениям И. М. Замоторина, чем к данным Е. И. Захаревой. В работе болгарской исследовательницы произошел сдвиг дендрографиков 5-го Пазырыка на один 60-летний ритм вперед, а для кургана Аржан на 60-летний ритм назад. Но дендрохронология дает лишь относительно хронологию, и в попытке выйти для сибирских курганов на хронологию абсолютную Л. С. Марсадалов обратился к материалам середины и третьей четверти V в. из 2-го и 4-го Семибратных курганов Прикубанья, сопоставляя их с находками 1-го и 2-го Пазырыка. Правильность такого сопоставления, однако, была поставлена под сомнение выступившей по докладу Г. И. Смирновой.

«Звериному стилю» был посвящен и доклад Е. Ф. Чежиной «Изображение свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в скифскую эпоху». Искусствоведческий анализ позволяет усмотреть различия в стиле изображений обоих регионов, что объясняется различным направлением культурных связей, а возможно, и различиями этническими.

Доклад И. П. Засекиной «Классификация наконечников стрел гуннской эпохи» имеет подзаголовок — «К вопросу о взаимосвязи гуннов и хуннов». Изучение стрел из комплексов южносибирских степей гуннской эпохи показало их восточное

происхождение — они продолжают линию развития центральноазиатских и среднеазиатских образцов.

Н. Г. Горбунова в докладе «К вопросу о взаимовлиянии культуры земледельцев и скотоводов» показала сложность культурных процессов, протекавших с VI в. до н. э. по VI в. н. э. на территории Ферганы. Удалось наметить направление движения групп кочевников, проследить, с одной стороны, процессы интеграции различных культурных влияний, с другой — возникновение локальных отличий.

Тесно переплетается научная тематика К. В. Каспаровой и М. Б. Шукина, они заняты изучением западных связей зарубинецкой культуры. Сопоставлению системы относительной хронологии памятников полесской группы зарубинецкой культуры (четыре фазы с подфазами) с системой европейской хронологии был посвящен доклад К. В. Каспаровой «Хронологическое соотношение зарубинецкой культуры и культуры эпохи Латена». При общем соответствии исследовательница наблюдала некоторые расхождения в ритмах развития. Отмечено, в частности, ослабление западных контактов на III фазе эволюции зарубинецкой культуры, синхронизируемой с Латеном D, и со стадиями C и начала «позднего предримского времени», по Р. Хахманну. На IV фазе, в конце I в. до н. э. и начале I в. н. э. западные связи возобновляются.

Попытку объяснения этого феномена предпринял М. Б. Шукин в докладе «Зарубинецкая культура, янтарный путь и вены». На заключительном этапе зарубинецкой культуры появляются некоторые вещи, указывающие на контакты со Средним и Верхним Подунавьем. Объяснение М. Б. Шукин ищет в той исторической ситуации, которая сложилась на рубеже нашей эры в Центральной Европе. Пшеворская культура в это время становится, по наблюдениям К. Годловского, замкнутым военизированным обществом, и проходящий через ее территорию янтарный путь прерывается. Торговцы янтарем из Верхнего и Среднего Подунавья могли попытаться найти обходной путь в Прибалтику через земли зарубинецкой культуры.

Два выступления касались эпохи раннего средневековья. О. И. Давидан в докладе «Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—XIII вв. (по материалам Земляного городища)» выделила два периода в жизни Старой Ладogi. На первом, с середины VIII в. до первой трети IX в., сочетаются контакты со Скандинавией и со странами Востока. Ладoga стояла на Балтийско-Волжском пути. Во втором периоде (конец XI—XIII вв.) восточные контакты ослабевают, но появляются вещи византийские и древнерусские. В первом периоде скандинавы, входившие в состав населения города, во многом определили облик его культуры, а в XI—XIII вв. крепнут экономические и политические связи Ладogi с Киевом и Новгородом. Ладoga становится древнерусским городом.

О торговых путях и связях раннего средневековья шла речь и в докладе З. А. Львовой «Контакты охотничьих племен Прикамья со странами Средиземноморья в VIII—X вв. (по материалам стеклянных бус)». Многочисленные спектральные анализы показали, что все разнообразные бусы Старой Ладogi, Лядинского, Томниковского и Салтовского могильников обнаруживают большее сходство с египетским стеклом, нежели с римским и византийским. И даже уникальные бусы I Поломского могильника, ранее рассматривавшиеся автором как результат местного производства, на проверку тоже оказались средиземноморскими. Если в Старую Ладogu египетские бусы попадали по европейским речным путям (Дунай, Везер и Эльба, Балтика, Нева, Ладожское озеро), то в Прикамье они поступали при посредничестве волжских болгар по «меховым» путям — через Среднюю Азию или по Волге, через земли Салтовской культуры. Причем часть бус на этих путях оседала.

Оба доклада вызвали оживленное обсуждение. Б. И. Маршак считает, что происходит некоторая недооценка восточных связей Старой Ладogi. Не учтены, в частности, находки восточной керамики. Кроме того, арабская торговля рассматривается слишком обобщенно — должны проследиваться связи средиземноморские, согдийские, хорезмийские. В. В. Кропоткин отметил, что приток восточного серебра следует датировать по составу кладов, а не по единичным монетам. Самые же ранние клады Скандинавии относятся только к рубежу VIII—IX вв. О. И. Давидан в заключительном слове подчеркнула, однако, еще раз, что монета в Старой Ладoge обнаружена в комплексах из нижнего слоя E₃, датированного по сочетанию археологического материала и по дендрохронологии серединой VIII в. З. А. Львова отметила, что расхождения в наборах бус в различных регионах связаны не столько с разными путями их попадания, сколько с избирательностью населения, приобретающего бусы, поэтому трудно их дифференцировать по путям попадания.

Как всякие юбилей. сессия Отдела истории первобытной культуры была достаточно торжественна: были приветственные речи, адреса, телеграммы. Но превалировала рабочая обстановка живой заинтересованности, доброжелательной деловитости, всегда свойственной атмосфере ОИПК. Краткие тезисы докладов были перед началом сессии опубликованы и розданы участникам заседаний. Полные тексты докладов изданы дополнительно, в 25-м выпуске «Археологического сборника» Государственного Эрмитажа.

Доманский Я. В., Шукин М. Б.